СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ, КАК МЕХАНИЗМ АКТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЁЖИ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Чирун С. Н.

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Кемеровский государственный университет (Россия), 650043, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, Sergii-tsch@mail.ru

УДК 005.521:32
ББК 66.06

Цель. Изучение механизмов управления молодёжной политикой в аспекте процессов глобализации с учетом геополитических процессов и интересов национальных акторов.

Методы. В статье рассматриваются политологические аспекты исследования практик сетевых технологий в современной молодежной политике в различных ее измерениях с использованием метода сетевого анализа.

Результаты. В данной статье выявляются способы актуализации политической субъектности молодёжных сообществ, как в традиционном, так и в сетевом пространстве молодёжной политики, механизмы инкорпорирования социальных сетей в процесс реализации политико-управленческих технологий. Оценивается их конструктивный и деструктивный потенциал для развития государственной молодёжной политики.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи между молодёжной политикой и международными отношениями в процессах глобализации, обосновывая концепт «сетевой молодёжной политики» и на основе данных исследований характеризуются механизмы ее воспроизводства в глобальном сетевом ландшафте.

Ключевые слова: молодёжь, сеть, геополитика, технологии.

NETWORK TECHNOLOGY OF YOUTH POLICY AS A MECHANISM FOR UPDATING THE POLITICAL ACTIVITIES OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS: GLOBAL CHALLENGES AND THREATS

Chirun S. N.

Candidate of Science (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Political Science, Kemerovo State University (Russia), 6 Krasnaya str., Kemerovo, 650043, Sergii-tsch@mail.ru

Purpose. The study of mechanisms of the youth policy management in the aspect of globalization, taking into account the geopolitical processes and the interests of national actors.

Methods. Author describes aspects of political science research networking practices in the modern youth policy in its various dimensions using the method of network analysis.

Results. Ways of political subjectivity actualization of youth communities, both in the traditional as well as in the network area of youth policy, mechanisms incorporating social networks in the process of realization of the political and administrative technologies. Their constructive and destructive potential for the development of the state youth policy.

Scientific novelty. The scientific novelty of the study lies in the interrelationship between youth policy and international relations in the processes of globalization, arguing the concept of «network of youth policy» and on the basis of these studies are characterized by the mechanisms of its reproduction in the global network landscape.

Key words: youth, network, geopolitics, technology.

© Чирун С. Н., 2016

В ситуации преддверия новой холодной войны, падения курса национальной валюты, снижения цен и спроса на энергоносители, когда экономические и политические санкции США и Евросоюза против Российской Федерации негативно отражаются на доходной части федерального бюджета, когда возрастают риски и угрозы национальной безопасности страны, необходимость совершенствования эффективности технологий работы с молодёжью приобретает стратегическое значение для обеспечения устойчивости политической системы.

В новейшей молодёжной политике происходит смена ролей политических акторов при неизменном институциональном фасаде, за которым формируются новые молодёжные субкультуры, технологии рефлексивного участия, отменяющие разделение на политическую и неполитическую сферы, а неполитическая сфера порождает субполитическую [1, с. 205].

Таким образом, наблюдается реполитизация молодёжи через субполитику, выражающаяся в появлении сетевых, в том числе транснациональных, молодёжных сообществ со специфическими интересами, самоорганизующихся инициатив новых молодежных движений и местных молодёжных сообществ.

В исламском мире частью этого процесса становится этническая мобилизация и возрождение религиозности.

В неоднородном сетевом ландшафте молодёжной политики, актуализирующем различные группы интересов, с использованием управленческой стратегии «садовника» могут быть запущены ризомные сетевые механизмы самоорганизации молодёжи, отличающиеся турбулентностью и неуправляемостью. Инновационно-интерактивные механизмы социализации способствуют учету разнообразных коллективных и индивидуальных интересов и потребностей молодёжи в изучении общественных проблем и выработке направлений государственной молодёжной политики, основывающейся на рефлексивной управленческой стратегии, которая позволяет молодёжи при оптимальном соотношении между формализованными структурами и формированием самобытной рефлексивности становиться действующим политическим актором.

При использовании рефлексивной стратегии управления, основывающейся на применении интерактивных механизмов сетевого управления и базовых принципах инновационного менеджмента, динамика молодежной политики обретает программируемый вид, в котором власть формирует институциональные предпосылки для политического участия и массовой общественно-политической сетевой коммуникации как в национальных масштабах, так на уровнях региональных и международных сообществ.

Сети молодёжной политики, в свою очередь, могут рассматриваться через систему многочисленных горизонтальных связей, получивших определение «ризомы» в концепции Феликса Гваттари и Жиля Делёза [2]. И здесь речь заходит о динамике эволюции мировоззренческих парадигм, в частности, интересе к сетевым теориям, получившим особую актуальность в ситуации постмодерна.

В международных отношениях после установления военного паритета, стратегия военного силового давления ушла на задний план, поскольку могла привести к взаимному уничтожению. Британский политолог Б. Л. Гарт разработал в связи с этим стратегию непрямых действий [3].

Таким образом, механизм «ризомы», по мнению А. Негри и М. Хардт, является важной предпосылкой экспансии либеральной «Мир-системы»: «Общие контуры современного имперского строя могут быть представлены в виде ризомы, разветвленной корневой системы, универсальной сети коммуникаций, все точки или узлы которой связаны между собой» [4].

Министерство обороны США изобрело интернет, преследуя именно военные цели, – утверждают политологи Р. Кларк и Р. Нейк [5]. Террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 года, открыли возможность для США коренным образом изменить отношение к безопасности. Приоритет стратегического сдерживания, доминировавшего с начала холодной войны [6, p. 30], был полностью заменён на приоритет сетевого предотвращения. Вместо понятной угрозы взаимного гарантированного уничтожения возникли новые угрозы, которые невозможно чётко идентифицировать и у которых нет «родины», чтобы ей было можно угрожать [7].

Сегодня молодёжные сети формируются для различных целей. Это могут быть неформальные молодёжные сообщества или политические круги. В любом случае молодёжная политика трансформируется под воздействием появления постмодернистских управленческих субъектов в виде сетевых центров и сообществ, функционирующих на базе электронной демократии. Функционирование в условиях электронной демократии предполагает готовность к диалогу не только с представителями органов власти в рамках процесса принятия управленческих решений, но и с внешними акторами. Такой переход затрагивает проблемы институциализации в онлайн-пространстве открытых сетей доверия и их стратегий, ориентированных на приращение символического капитала. Главным двигателем политической активности станут институционализированнные сети гражданского общества, обладающие политическими ресурсами и компетенциями использовать на профессиональном уровне современные базы данных, что способствует трансформации системной политической логики. Власть и политическая элита в таких условиях вынуждены приспосабливаться

к инновационным процессам, чтобы сохранять свою управленческую дееспособность.

Сама же сетевая технология настолько универсальна, что не требует прямого контакта «ядра» и «периферии». Сам принцип сети исключает такую необходимость, заменяя и «центр», и «резидентуру» таким ключевым для сети понятием, как самосинхронизация.

Сетевая самосинхронизация пересекается с таким понятием, как тайминг. В сетевых процессах основное значение отводится оперативности принятия решения и скорости его исполнения. Яркий пример сетевой самосинхронизации – это перманентно революционная ситуация на Украине. Там было создано огромное количество политически латентных НКО, в которых молодые люди на деньги американских и европейских фондов занимались проблемами прав человека, экологией и т.п. Но когда на Майдане начались волнения и был дан старт свержению режима Януковича, – они сразу же управляемо активизировались [8, с. 81–90].

Они же проявили себя и в феврале 2014-го. Многие участвовали в волнениях на Майдане за деньги, но большинство молодых людей пришли туда, будучи манипулируемы, ибо за прошедшие десятилетия Западом на Украине посредством сетей был сформирован особый геополитический код.

Учитывая потенциал прокси-управления, дифференциацию ответственности, опосредованного действия и самосинхронизацию сетей, в сетевых процессах бывает непросто определить непосредственного заказчика тех или иных акций. Тем более, что управление осуществляется посредством многослойно моделируемых факторов, с опорой на сформированный самим же заказчиком контекст.

Как отметил один из создателей сетевых стратегий А. Сибровски: «Сетевая война ведётся до начала, во время и после конфликта, против друзей, нейтральных сил и врагов» [9].

Сеть может быть создана и может быть настроена определённым образом. Она может быть даже перепрограммирована и может быть использована в целях, противоположных ее созданию. Для этого необходимо владеть технологиями функционирования сети. Сетевое взаимодействие не ведётся традиционным образом.

В сетевом процессе сложно выявить непосредственную ангажированность, двигаясь через множество посредников от исполнителя к заказчику. Лишь совокупность проведённых линий, подчеркивающих существующие связи, и образует сеть.

Для сетей характерно такое понятие как самосинхронизация. Это означает, что узлы сети способны функционировать независимо от «центра», для того, чтобы не раскрыть источник возникновения стратегии.

Сеть ориентируется на содержание. Каждый узел получает сообщение, задание, информацию или запрос от другого такого же узла. Сетевыми узлами могут быть полуавтономные структуры, которые горизонтально взаимодействуют между собой.

Взаимодействуя в рабочем порядке, они часто не имеют представления о центре сетевой структуры.

Но даже в случае, если подчиненность сетевой структуры от «центра управления» выявлена, их связь может быть установлена лишь опосредованно. Акторами предполагается, что центра как бы нет, а сеть сама настраивается, исходя из своих целей и ресурсов, то есть самосинхронизируется и адаптируется к изменяющимся реалиям политического пространства.

Важным условием эффективности сетевых технологий в управлении молодёжью является высокая скорость и проходимость сети. Ведь чем быстрее сетевая коммуникация, тем она эффективнее, что объясняется понятием тайминг. Что принесёт колоссальный эффект в течение 10 минут, потеряет всякий смысл через четверть часа. Уточним, что сетевые войны – это феномен, который не всегда связан с интернетом, но всегда связан с понятием сети [10, с. 27–48].

В сети акторы взаимодействуют не вертикально, как в традиционной модели управления, а горизонтально. Сети нелинейны и носят матричный характер.

Постмодернист Ж. Делёз отразил такой феномен с помощью концепта ризомы, т.е. системы клубней. Даже если разрушен элемент сети – взаимодействие не останавливается, а функционирует сквозь остальные узлы.

Невозможно прекратить действие сети вычленением одного из клубней, в этом случае сеть продолжает функционировать, т.е. является более «живучей» и гибкой по сравнению с вертикалью.

Движение к интерактивной модернизации системы управления молодёжной политикой в современном мире увязывают с процессами политической модернизации, в основе которой лежат принципы руководства (governance). Эти процессы в молодёжной среде формируют поступательные тенденции роста вовлеченных негосударственных субъектов в процесс выработки и реализации молодёжной политики и утрату влияния традиционных бюрократических механизмов, повышение эффективности деятельности государства через оптимизацию его основных механизмов.

Сетевые технологии сегодня активно принимаются в военной подготовке молодёжи. Основой этого является такой технологический подход, описанный Э. А. Смитом [11], как efects-based operations – «операции на базе эффектов».

Эта технология поставлена на вооружение американской сетевой империи для контроля территорий с минимальными издержками. Прежде всего, речь идет о механизмах контроля над постсоветским пространством. На сегодняшний день это наиболее мобильная,

гибкая и эффективная постмодернистская молодёжная технология.

В идеале для этой технологии контроль над пространством устанавливается, минуя стадию вооруженного конфликта, за счет так называемых «цветных революций».

Среди ярких примеров – «оранжевая революция» на Украине, сформировавшая основу для силового сценария в феврале 2014-го.

Но для использования сетевых технологий первоначально следует сформировать сеть. Часто в основе современных сетей лежат общественно-политические молодёжные структуры, НПО и НКО.

Такие структуры создаются с нуля, либо используются, вербуются уже готовые структуры. Практически ни одно НКО открыто не станет декларировать какие-либо радикально-политические и уж тем более экстремистские деструктивные цели.

Фонд Сороса является типичным примером структуры, создающей и развивающей сети на постсоветском пространстве в интересах США[12, с. 46].

Для проведения «цветной революции» удобен айфон тем, что он позволяет осуществлять коммуникацию и взаимное оповещение пользователей через систему спутникового соединения, даже в том случае, если интернет-комуникация отсутствует.

Кроме того, в айфонах предусмотрена технология фиксирования маршрута передвижения и местонахождения пользователя, аппарат копирует весь контент пользователя, включая фото, видео и телефонную книгу. Помимо этого, последние версии айфона фиксируют даже отпечатки пальцев пользователей. А в результате, как признает Э. Сноуден, любой владелец айфона – открытая книга для спецслужб США.

Простота доступа в сеть, возможность гибкой перекомпоновки и динамичного управления провоцирует международных акторов к использованию киберпространства для достижения реальных технологических результатов, в первую очередь, по смене политических режимов.

Известны успешные международные операции, проводимые при использовании социальных сетей.

На постсоветском пространстве хорошо информированы о таком явлении, как twitter-революция, с помощью которой осуществляется смена политических режимов. В частности, twitter-технология была наиболее эффективно использована для мобилизации радикальной молодёжи в Молдавии.

Это выглядит следующим образом. Пользователь социальной сети Twitter получает оповещение о каких-либо политических процессах, движениях с соответствующей эмоциональной подоплекой.

Он, благодаря сформированной мотивации, транслирует это оповещение. В результате все его подписчики получают эту же информацию и в свою очередь тоже осуществляют её ретрансляцию.

Этим механизмом реализуется информирование и настройка больших групп пользователей. Причём это не случайные люди, а референтные группы политических активистов, либо аудитории со схожими взглядами, близкими ценностными ориентациями.

Эффект от такого оповещения гораздо ярче выражен, чем в случае трансляции по традиционным СМИ.

При необходимости сетевые активисты синхронно выходят на акции. Не потому, что они дисциплинированно подчиняются руководству какой-либо организации, а потому, что их характеризуют общие оценки политического процесса. Выходя на массовые акции, молодёжь оказывает мощное давление, вынуждая ненасильственными средствами власть отказаться от исполнения своих функций, вследствие чего сменяется политический режим.

В идеальной модели такая сетевая «революция» может быть осуществлена даже без применения ненасилия. Такая технология весьма эффективна в смысле соотношения затрат и результатов. Но для того, чтобы эту технологию успешно реализовать, нужно, чтобы географическое пространство имело развитую структуру интернет-провайдеров, желательно – диверсифицированную и открытую [13].

Среди новых сетевых технологий молодёжной политики назовем меметические технологии и sock puppet revolution, которые стали особенно актуальны в свете событий, происшедших в арабском мире и получивших общее название «арабская весна», где эти технологии были использованы.

Концепция мемов изначально была предложена американским политологом Р. Докинзом, создавшим целую науку о мемах (memes). Р. Докинз – американский культуролог, политолог – ещё в 1976 году ввёл в лексикон термин «мем» и предложил новое научное направление – меметику[14, p. 172].

Понятие memes [15], которое часто произносят как «мемы», прочно вошло в оборот, как, впрочем, и транскрипция «мимы», которая также вошла в тематическую литературу, так как в основе понятия лежит греческое «мимос» – «подражание» (англ. memes). Отсюда memetics – имитация, представление, сходство, создание подобия, иллюзия, стремление к тому, чтобы быть чем-то ещё.

Исследования по изучению мемов в большом количестве велись в 60–70 годах в США. Таким образом, мем (англ. meme) – единица культурной информации, распространяемая от одного субъекта к другому посредством механизмов имитации, мимикрии и подражания.

Особую пикантность придаёт принадлежность к тому, что трансформирует стереотипы, ломает устои, изменяет политическое сознание масс. Возможно,

именно это ощущение сопричастности подталкивает индивида к тому, чтобы активно включиться в технологию ретрансляции мемов.

Подобно психическим вирусам, мемы успешно распространяются через молодёжные сетевые коммуникации.

Молодёжная технология медиавирусов раскрывается в исследовании Д. Рашкоффа [16], он рассматривают мемы в связи с их возможностью активно распространяться по каналам коммуникации, вызывая определённые политические процессы.

Здесь речь идет о влиянии на результаты выборов, на смену политических убеждений, их переориентацию в пользу западных ценностей, в том числе на смену государственных режимов [17, с. 158–168].

Д. Рашкофф настаивает на том, что медиавирус несёт в себе «сокрытый в нём контент в форме идеологического кода». Симуляционный политический дискурс и всё, что в нём закодировано – это меметическое послание, которое становится «одноразовой» молодёжной идеологией на каждый актуальный момент, что отменяет необходимость в мета-идеологии.

Иными словами, в ситуации отсутствия идеологии целесообразно использовать симулякр идеологии, который, при необходимости, можно так же быстро поменять.

Примерами сложных мемов являются некоторые политические и религиозные доктрины. В первую очередь, что представляет сегодня наибольшую угрозу для безопасности, – это религиозные секты, так называемые экстремистские мемы, формирующие типичные медиавирусы. Религиозные мемы – основа террористических организаций [18].

Угроза терроризма – это тоже мем, который был произведён для того, чтобы можно было мобилизовать политическую систему и в мобилизационном режиме проводить молодёжную политику.

Для технологии ввода мемов создаётся определенная среда, на основе которой происходит подготовка. Инициируются предварительные анонимные вбросы, которые формируют необходимые настроения для принятия молодёжной аудиторией основного мема.

Затем мем должен быть ретранслирован, чтобы широко распространиться. Для этого используют технологию sock puppet revolution. Это качественное обновление технологии «цветных революций», следующий уровень. Sock puppet – дословно «тряпичная кукла-носок, которая надевается на руку». На обе руки один человек надевает по кукле, эти куклы разыгрывают между собой какое-то политическое действие.

На языке реальной политики это означает, что существует небольшое количество центров, каждый из которых контролирует множество сетевиков – отдельных людей, которые, в свою очередь, контролируют множество так называемых сетевых ботов в социальных сетях.

В результате субъект, связанный с сетевым узлом, транслирует через огромное количество виртуальных ботов комплекс готовых мемов, создавая ощущение массовости и единодушия в их восприятии.

Иными словами технология sock puppet означает наличие политического субъекта, который создаёт и управляет большим количеством политических псевдо субъектов – ботов. Эти боты затем дискутируют в сетях друг с другом, создавая видимость политической активности, а делается это в интересах геополитического заказчика.

Когда существуют один, два или три центра создания, воспроизводства и стартовой ретрансляции меметических значений, то весь процесс является вполне технологичным и управляемым.

И лишь когда процесс уже запущен, и массы подключены, трансляция мемов уже осуществляется самопроизвольно и самоиндуцируется в процессе распространения.

Технология «Sock puppet revolution» реализуется, когда общественное мнение в социальных средах моделируется и направляется локальной группой сетевых профессионалов.

Ощущая идейную направленность сети, у молодёжи складывается определённое намерение, основанное на следовании общему тренду.

Именно так формируется информационный фон. Пользователю должно казаться, что все оценивают политическую ситуацию определенным образом, и тогда он с готовностью присоединится к общей ретрансляции мема, медиавируса и станет активно ретранслировать идейно-политические установки.

Что в итоге и формирует молодёжное настроение, которое является, соответственно, фоном, для инспирированного свержения того или иного политического режима.

Для ответа на сетевые воздействия необходимо активировать созданную заблаговременно сетевую технологию. Конечно, в первую очередь, необходимо учитывать аспекты политической мотивации акторов сети, поскольку многие из них пришли из молодёжных политических организаций, а значит, с ними уже велась определенная идеологическая работа[19, с. 275–279].

Отметим, что вся сетевая деятельность, учитывая серьёзность её влияния на реальную политику, нуждается в капительных финансовых вложениях. Разумеется, эти затраты на порядок ниже, чем на традиционные нужды силовых ведомств.

Сегодня «ядерный тупик» открыл эту новейшую страницу в сетевых технологиях. Когда традиционная война стала неприемлемой, ей на смену идет новая модель «неявной» войны, проявившаяся в «конфликтах низкой интенсивности» и «тайных операциях»[20].

Изначально этот аспект исследований получил обозначение – «стратегия непрямых действий» и был подробно разобран в исследованиях Б. Л. Гарта.

Суть стратегии сетевых войн в использовании социальных сетей – сообществ или общественных структур, как гуманитарных, так и политических, в том числе элитных групп, находящихся у власти. Основы этой стратегии были заложены в конце 70-х американским социологом А. Гоулднером, утверждавшим, что социальная теория в скрытом виде часто выступает теорией политики[21].

Теория сетевых войн пришла на смену концепции ядерного сдерживания. Но сетевая война в ситуации постмодерна ведётся глобальными институционализированными структурами. Как утверждает А. Г. Дугин: «Сетевой принцип даёт возможность отнимать суверенитет и политическую независимость у целых государств и народов»[22]. В работе «Исповедь экономического убийцы» [23] Д. Перкинса, данная технология сетевого подчинения государств посредством использования экономических механизмов описана довольно подробно.

На взаимодействии с политическими элитами строились сети глобального контроля. В этой связи Перкинс высоко оценивает роль американских посольств: «Основная цель, с которой мы расставляем посольства во всём мире,– обслуживать наши собственные интересы, которые в течение последней половины XX века предполагали превращение американской республики в глобальную империю».

Элиты получали процент от проектируемого экономического роста и таким образом включались в политический процесс непрерывного взаимодействия с частной (американской) консалтинговой компанией. Поскольку экономический рост заведомо завышался, предполагаемый процент, предназначающийся элитам, был весьма внушителен. В итоге элиты государства соглашались на предложенный «экономический рост», что напрямую увязывалось с размером внешних заимствований. Например, для развития инфраструктуры. Особенность такой технологии в том, что подрядчиками всегда выступают компании США. В итоге, финансы вообще не покидают пределов Америки, в то время как долг растёт гигантскими темпами.

Если схема не срабатывает, экономические убийцы уходят, уступая место ЦРУ, так называемым «шакалам». Их задача – устранение несговорчивых посредством мятежей, переворотов или в результате покушения. И лишь в самом крайнем случае используется армия.

Итогом окончательного захвата государства можно считать появление на её территории военной базы США.

Если же политические элиты отказывались участвовать в этом процессе, в дело, пишет Перкинс, вступали уже совсем другие инструменты – те, при помощи которых устраиваются перевороты и свергаются правительства.

В изданной в 2003 г. работе Перкинс указывает, что «под прицелом экономических убийц находятся страны постсоветского пространства». Сегодня классическая схема захвата государства сетями глобального Запада наблюдается на Украине.

Типичными сетевыми операциями являются «цветные революции» на постсоветском пространстве. «Революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине, перешедшая в «Евромайдан», попытки совершения «цветных» переворотов в Азербайджане, Узбекистане, неоднократные попытки изменения посредством сетевых технологий политического режима в республике Беларусь – всё это типичные примеры «операций на базе эффектов».

Видя, что Российская Федерация упускает из зоны своего стратегического контроля одно геополитическое пространство за другим, с высокой уверенностью можно полагать, что такой эффективный механизм, как «бескровная революция», будет и впредь применяться нашими геополитическими оппонентами [24]. Стартовав в странах Восточной Европы ещё в бытность существования СССР, «бархатные революции», сместили там все просоветские режимы, развалив Югославию, постепенно переместились в зону постсоветского пространства СНГ, где указанные процессы обрели свои «цвета». Всё это заставляет задуматься о предпосылках реализации «ненасильственного» сценария и в самой России.

Ненасильственная революция – ликвидация политических режимов, основанная на технологиях «ненасильственной борьбы», систематизированных Дж. Шарпом [25]. Это в идеале «Soft Power», или так называемая мягкая сила, которую известных политолог Джозеф С. Най (младший) определяет как возможность государства, коалиции или союза достигать необходимых результатов на международной арене посредством убеждения, а не подавления, навязывания и принуждения, что характеризует жёсткую силу[26]. Технология управляемого хаоса описана многими американскими учеными, исследователями, среди которых одним из самых известных является Стивен Манн[27]. Это ситуация, когда турбулентные, казалось бы, не связанные друг с другом множественные процессы всё равно имеют общую направленность, а во всей этой турбулентности и внешней непредсказуемости процессов присутствует конечная цель. Но движение к этой цели происходит не определённым, понятным, прямым образом, а хаотично. Это можно сравнить с движением маятника в трёхмерной системе координат, которое в конечном итоге всё равно завершается в одной точке. Вот эта конечная точка определяется американскими стратегами и теоретиками управляемого хаоса заранее, а достижение этой точки заложено ещё до начала процесса. В итоге всё

это множество процессов завершается нужным результатом, а социальная турбулентность всё равно проходит по заданным параметрам. Но одновременно разрушает структуру архаичного и консервативного общества. Смысл «арабской весны» и реализация плана Great Middle East – превратить арабское общество в жидкое американское пюре, с перевариванием которого у американцев не возникнет проблем[28, с. 13].

По утверждению политологов Р. Кларка и Р. Нэйка, «страна, которая изобрела новую технологию и тактику её применения, может и не стать победителем, если её вооружённые силы зациклились на методах прошлого и слишком надеются на оружие, которое привыкли считать непревзойдённым»[29].

В работе «Империя» М. Хардт и А. Негри, поднимая вопрос о создании искусственных сетей, проникающих в политическую систему, приходят к заключению, согласно которому, любой гражданин, протестующий против американской глобализации, – это дезертир, вышедший из-под контроля ренегат глобализации. Данный радикальный субъект саботирует процесс глобализации, используя современные технологии не в целях институциализации глобалистских моделей, а для субверсивного участия в антиглобалистских целях.

В первую очередь, «акции» производят эффект не только на врага, но и на тех, кто наблюдает за происходящим столкновением. Эффекты могут достигаться одновременно на тактическом, оперативном, военно-стратегическом и геостратегическом уровнях сетевых операций.

Таким образом, институциональный подход к повышению эффективности управления государственной молодёжной политикой диктуется геополитическими законами и спецификой национальных интересов действующих акторов, ибо реальная политика складывается, как интегрированный результат политической «игры» разнообразных субъектов, взаимодействующих на международной сцене.

В условиях глобальной аномии, характерной для общества постмодерна, молодежные сетевые структуры становятся значимым актором ГМП, актуальным механизмом политической социализации молодежи и ретрансляции общественно-политических отношений в обществе.

Существенная функция государственных институтов молодёжной политики в условиях глобализации должна заключатся в оптимизации социально-политического развития молодёжи, воспитания патриотизма, повышении деятельной субъектности молодежи в молодёжной политике (но не её симулякров), предотвращении тенденций социального отчуждения и космополитизации молодёжи, активизации её социального участия на основе самоопределения и укрепления национально-гражданских идентичностей.

Литература:

1. Мирошиченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар, 2013. 295 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М.: У-Фактория, 2007. 672 с.
3. Гарт Б. Л. Стратегия непрямых действий. М.: Эксмо, 2008. 464 с.
4. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
5. Кларк Р. Нейк Р. Третья мировая война. Какой она будет? СПб.: Питер, 2011. 336 с.
6. Krepinevich A. F. Cavalry to Computers: The Patterns of Military Revolutions // The National Interest. 1994. №37.
7. Савин Л. В. Сетецентрические методы в государственном управлении. М.: Сам полиграфист, 2015. 146 с.
8. Саворская Е. В. Роль политических сетей в ЕС // Европейский союз в формирующемся миропорядке. Мировое развитие. Выпуск 12. / Под ред. Ю. Д. Квашнина. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 81–90.
9. Cebrowski A. K., Garstka J. J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future // U.S. Naval Institute Proceedings.1998. №1.
10. Саворская Е. В. Политические сети как объект теоретического анализа проблем глобального управления // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. №3. С. 27–48.
11. Smith E. A. Effects Based Operations. Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis and War, Washington, DC: DoD CCRP, 2002. 558 p.
12. Иноземцев В. Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации // Космополис. 2003. №4. С. 44–58.
13. Barnett T. P. M. Great Powers: America and the World after Bush. N.Y.: Putnam Publishing Group, 2009. 370 p.
14. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976. 360 p.
15. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
16. Рашкофф Д. Медиавирус. М.: Ультракультура, 2003. 368 с.
17. Саворская Е. В. Сетевой компонент в деятельности Давосского форума // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. №2. С. 158–168.
18. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishing, 1996. 483 p.
19. Саворская Е. В. Проблемы и перспективы применения сетевого подхода к исследованиям мировой политики // Вестник МГИМО Университета. 2011. №3 (18). С. 275–279.
20. Luard E. Tpe Blunted Sword: The Erosion of Military Power in Modern world politics. London, 1988. 237 p.
21. Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N.Y., 1970. 528 p.

22. Дугин А. Г. Сетецентричные войны. Новая теория войны // Сетевые войны. Угроза нового поколения. М., 2009. 314 с.
23. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2005. 319 с.
24. Фельдман Д. М. О правилах мировой политики // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 35–47.
25. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
26. Keohane R. O., Nye J. S. Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1972. P. 329–349.
27. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление 2006 [электронный ресурс]. URL: http://geopolitica.ru/Articles/890/ (дата обращения 12.05.2014).
28. Алексеева Т. А. Мыслить конструктивистки: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С.4–22.

References:

1. Miroshnichenko I. V. Network landscape of the Russian Public Policy. Krasnodar, 2013. 295 p.
2. Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedipus. M.: U-Faktoriya, 2007. 672 p.
3. Hart L. B. The strategy of indirect approach . M.: Eksmo, 2008. 464 p.
4. Hardt M., Negri A. Empire. M.: Praaksis, 2004. 440 p.
5. Clark R., Nake P. World War III. What will it be like? SPb.: Piter, 2011. 336 p.
6. Krepinevich A. F. Cavalry to Computers: The Patterns of Military Revolutions //The National Interest. 1994. № 37.
7. Savin L. V. Network-centric methods in public administration. M.: Sam poligrafist, 2015. 146 p.
8. Savorskaya Ye. V. The role of policy networks in the EU // European Union in the emerging world order. World development. Issue 12 / Edited by Yu. D. Kvashnina. M.: Primakov Institute of Word Economy and International Relationship Russian Academy of Science, 2014. Pp. 81–90.
9. Cebrowski A. K., Garstka J. J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future // U.S. Naval Institute Proceedings.1998. № 1.
10. Savorskaya Ye. V. The political network as an object of theoretical analysis of global governance problems // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika. 2013. № 3. Pp. 27–48.
11. Smith E. A. Effects Based Operations. Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis and War, Washington, DC: DoD CCRP, 2002. 558 p.
12. Inozemtsev V. Globalization in the American alternative to Westernization // Kosmopolis. 2003. № 4. Pp. 44–58.
13. Barnett T. P. M. Great Powers: America and the World after Bush. N.Y.: Putnam Publishing Group, 2009. 370 p.
14. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976. 360 p.
15. Dawkins R. The Selfish Gene. M.: Mir, 1993. 318 p.
16. Rushkoff D. Media Virus. M.: Ultrakultura, 2003. 368 p.
17. Savorskaya Ye. V. Network component in the activities of the Davos Forum // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika. 2012. № 2. Pp. 158–168.
18. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishing, 1996. 483 p.
19. Savorskaya Ye. V. Problems and perspectives of the network approach to research of world politics // Vestnik MGIMO.2011. № 3 (18). Pp. 275–279.
20. Luard E. The Blunted Sword: The Erosion of Military Power in Modern world politics. London, 1988. 237 p.
21. Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N.Y., 1970. 528 p.
22. Dugin A. G. Nnetwork-centric warfare. The new theory of war // Networking war. The threat of a new generation. M., 2009. 314 p.
23. Perkins J. Confession of an economic Hitman. M.: Pretekst, 2005. 319 p.
24. Feldman D. M. On the rules of world politics // Voprosy filosofii. 2012. № 5. Pp. 35–47.
25. Sharp J. From Dictatorship to a Democracy: A conceptual framework for liberation. M.: Novoye izdatelstvo, 2005. 84 p.
26. Keohane R. O., Nye J. S. Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1972. Pp. 329–349.
27. Mann S. Chaos theory and strategic thinking 2006 [e-resource]. URL:http://geopolitica.ru/Articles/890/ (date of reference 12.05.2014).
28. Alekseyeva T. A. Think constructivists: opening a vociferous world // Sravnitelnaya politika. 2014. № 1 (14). Pp. 4–22.